Ханская Казань

в свете новых археологических исследований

В середине XV в. Казань становится столицей государства, получившего в исторической литературе название Казанское ханство. Возрождение былых торговых традиций Волжской Булгарии, выгодное расположение на Волге способствовали возвышению Казани. К началу XV в. она представляла собой крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове и значительной ролью в транзитной торговле. Усилившаяся экономически и политически, Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом и определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на современном Кремлевском холме — местом своего постоянного пребывания.

Период Казанского ханства в истории татарского народа до последнего времени оставался слабо исследованным в археологическом отношении. Практически ни один памятник интересующего нас периода, за исключением небольших исследований охранно-спасательного характера в Казанском Кремле, проводившихся еще И. Н. Бороздиным и Н. Ф. Калининым в 1920-1950-х гг., А. Х. Халиковым, Л. С. Шавохиным и А. Г. Мухамадиевым в 1970-х гг., не подвергался раскопкам. Ситуация существенно изменилась с созданием в 1994 г. Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», который совместно с Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Казанским государственным университетом выступил инициатором организации планомерных и крупномасштабных археологических исследований. За 1994-2005 гг. на территории Кремля и в исторической части города было заложено около 50 раскопов общей площадью более 10 тыс. кв. м. (рис. 1).

Одним из достижений археологической экспедиции «Казанский кремль» является создание стратиграфической

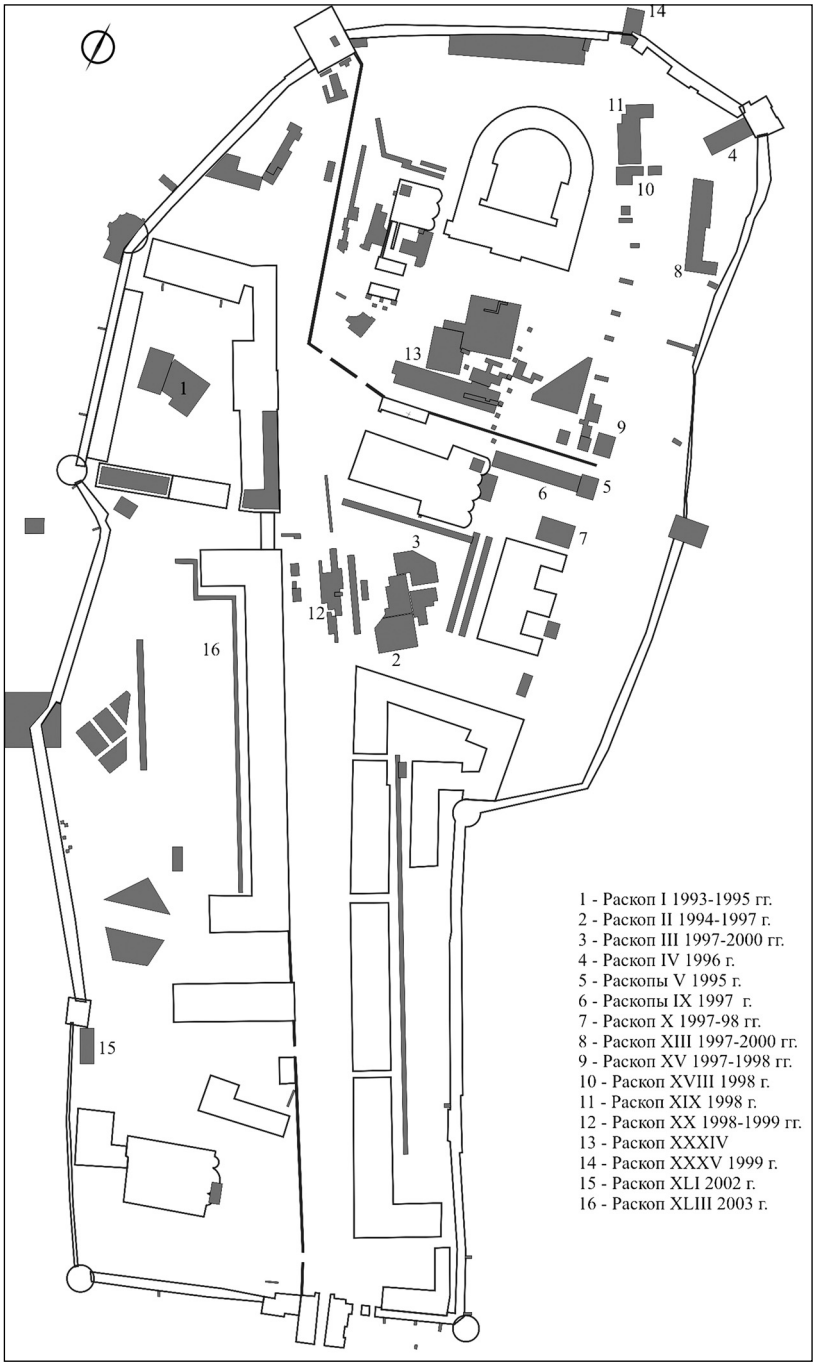

Рис. 1. План Казанского Кремля с указанием раскопов.

шкалы культурных отложений Кремля, включающей пять хронологически разновременных слоев, накопленных за тысячелетний период его функционирования. С периодом Казанского ханства связан III-й слой, отличающийся от вышележащего II-го (русского времени) и нижележащего IV-го (золотоордынского времени) слоев как по консистенции и структуре (плотная пестроцветная супесь со строительными остатками), так и по комплексу находок, содержа-

щих в числе прочих многочисленные монеты, преимущественно русского чекана второй половины XV — первой половины XVI в. Кроме того, от II-го слоя его отделяет углистая прослойка пожара 1552 г., прослеженная практически на всех раскопах. Средняя мощность III-го слоя составляет 70-80 см, уменьшаясь в южной, менее освоенной части Кремля до 20-30 см. С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов различных объектов — жилых и хозяйственных построек, каменных зданий, фортификационных сооружений. Активная застройка Казанской крепости в ханский период приводила к разрушению более ранних напластований и включению в горизонты слоя значительного объема материкового грунта и более раннего вещевого материала.

К моменту образования Казанского ханства укрепленная часть города находилась в пределах крепости домонгольско-золотоордынского времени. После образования ханства численность населения заметно увеличилась, осваивались новые территории, росло количество жилых и общественных построек. В этот период закрепились ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки города, но происходили и существенные изменения, особенно в расположении его укреплений.

Долгое время среди исследователей не было единого мнения по вопросу о южной границе укреплений Казанской крепости. Она увязывалась, как правило, с остатками «старых городней», упоминаемых в Писцовой книге г. Казани 1565-1568 гг.[1], а также с рвом, зафиксированным в ходе наблюдений И. Н. Бороздина и Н. Ф. Калинина в 1928, 1947 гг. Этот ров исследователи неверно идентифицировали с Тезицким, упоминаемым современниками при описании штурма города в октябре 1552 г.

Оригинальна точка зрения археолога Л. С. Шавохина, считающего, что при описании боев за Казань в источниках якобы отсутствует упоминание штурма укрепленной крепости, кроме описания столкновений русских отрядов с сеидом Кул Шарифом и его шакирдами у мечети на Тезицком рву. Л. С. Шавохин, таким образом, вообще отрицает существование крепости как самостоятельной части города, а выявленные предшествующими исследователями ров и «старые городни» рассматривает как остатки временных укреплений, возведенных русскими сразу после взятия города и заброшенных после строительства белокаменной стены в 60-х гг. XVI в.[2]

Подобная «реконструкция» не подтверждается ни письменными источниками, упоминавшими в топографической структуре города сильно укрепленный («бе бо зело крепок») «вышгород»[3], «арк»[4], «град»[5], ни нашими раскопками, выявившими продолжение оборонительных рвов шириной 14 м между Преображенской (Тюменской) и Пятигранной башнями в районе Спасо-Преображенского собора, недалеко от места раскопок 1928 г.[6] Таким образом, был зафиксирован участок рва, известного по описаниям Писцовой книги 1565-1568 гг. как остатки старых укреплений[7]. На этой же линии находится ров, выявленный наблюдениями Н. Ф. Калинина при земляных работах 1947 г. По мнению исследователя, его следует рассматривать как остатки южных укреплений ханского Кремля[8].

Не до конца решены проблемы, связанные с расположением других стен городской крепости — Кремля ханского времени. При этом важное значение имеет локализация проездных башен, сохранившихся до настоящего времени и упоминаемых в письменных источниках второй половины XVI в. вместе со старыми названиями. Так, северо-западные Тайницкие ворота в ханское время носили название Нур-Али (Муралеевы), северо-восточные Воскресенские назывались Елбугиными, юго-западные Преображенские — Тюменскими, восточные Дмитриевские — Сбойливыми[9]. Опираясь на эти данные, можно наметить линию фортификации ханской крепости, проходившую, повторяя рельеф местности, по верхнему краю крутых склонов Кремлевского холма.

Судя по письменным источникам, посад Казани был укреплен деревян-

Рис. 2. Руинированные остатки Северной башни Кремля.

ной стеной, состоявшей из городней[10]. Большинство исследователей придерживалось мнения о том, что и крепость на горе имела деревянные укрепления.

Неожиданными оказались результаты исследований руинированных остатков Северной башни и прилегающей к ней стены современного Кремля. В сохранившихся документах XVIII-XIX вв. эта башня описывается как круглая, построенная в русское время, т. е. не ранее второй половины XVI в. Ее остатки были открыты на раскопе XXXV, площадь которого 250 кв. м. Но на этом же месте были выявлены остатки и более ранней прямоугольной башни, строительный горизонт которой стратиграфически четко увязывался с III-м слоем. Комплекс находок из данного слоя включает фрагменты глиняной посуды красного цвета с розоватым оттенком и обломок чаши с бирюзовой поливой, характерные для гончарного искусства ханского времени; четыре железных наконечника стрелы, бронзовую сюльгаму-застежку XIV-XV вв., железные пряжки, ножи, подкову для обуви, глиняные пряслице и грузило рыболовной сети[11].

Башня, сохранившаяся на 400 см в высоту (северный фасад), имела подпрямоугольную форму: длина восточной стороны — 870 см, западной — 840 см, северной — 960 см (рис. 2). Южная сторона, длиной 940 см, вплотную примыкает к кремлевской стене. Камни в кладке башни и стены сложены в перевязь, т. е. составляют единое целое, что свидетельствует об их синхронности[12]. Контрольный раскоп XLIII площадью 88 кв. м, заложенный с внутренней стороны Кремля, показал, что нижние ряды известняковых блоков крепостной стены действительно связаны со слоем ханского времени[13].

Кладка стен башни, толщина которых колеблется в пределах 220-240 см, порядовая, двухпанцирная с забутовкой: крупные камни использованы для кладки наружного и внутреннего фаса стены, мелкие камни — для забутовки. В качестве связующего раствора применялась известь. Внутреннее помещение башни имело также подпрямоугольную форму с размерами 450х430х480х460 см. В западной, восточной и северной частях зафиксированы прямоугольные

ниши, оставшиеся, вероятно, от бойниц первого яруса.

Таким образом, появились интересные факты, свидетельствующие о начале крупной реконструкции обороны ханской крепости в первой половине XVI в., в период резкого обострения отношений Казанского ханства с Русским государством. Эта реконструкция, т. е. замена старых деревянных укреплений каменными, началась с северной стены, расположенной недалеко от ханского дворца, но она не успела затронуть западной и южной стен, которые оставались деревянными вплоть до штурма города в 1552 г.

Восточная сторона крепости, частично совпадающая (в северо-восточной части) с укреплениями Ханского двора, была укреплена каменной стеной еще в домонгольское время; функционировала она и в период Золотой Орды, не исключено, что и в период Казанского ханства. Н. Ф. Калинин считал, что стены Ханского двора были каменными[14], но неоспоримых данных по данному вопросу у него не было. С помощью раскопов по восточному склону Кремлевского холма в 1995-2000 гг. были изучены остатки каменной стены шириной в основании 250-300 см, примыкавшей, вероятно, к Северной башне[15].

Уникальный материал по топографии северной части Кремля, где, по данным письменных источников, располагался Ханский двор, накоплен раскопками на территории современной резиденции Президента Республики Татарстан. Центральным объектом исследований (раскоп XLVIII) оказались остатки нижней части каменного здания (18х22 м), сохранившегося на уровне фундамента шириной стен 1,6-1,8 м и высотой до 1,3-1,5 м. Дно котлована было уплотнено деревянными сваями диаметром 15-20 см, расположенными в ряд с расстоянием 50 см друг от друга. Сам фундамент выложен из довольно крупных каменных блоков, аккуратно отесанных и скрепленных известковым раствором. Поперечными стенами образованы четыре подвальных помещения размерами 6,6х4,4 м (северо-западное помещение), 6,2х4,4 м (северо-восточное), 6,8х8,4 м (юго-западное) и 6,4х8,4 м (юго-восточное). Последнее помещение состояло из двух частей размерами 6,4х3,4 м каждая[16]. Исследователь памятника Н. Г. Набиуллин определил его как остатки комплекса административного назначения, имевшего отношение к резиденции казанских ханов, возможно, «Большой палате в Царевом дворе», упомянутой в Писцовой книге г. Казани 1565-1568 гг.[17]

Еще одно монументальное сооружение ханского времени частично было вскрыто в процессе охранно-спасательных работ с северной и восточной стороны башни Сююмбике, примерно в 50 м к западу от вышеописанного здания. Оно состояло из белокаменной и кирпичной частей. Белокаменная часть здания стратиграфически связана с нижними горизонтами III-го слоя, древний уровень кирпичной части восходит к его верхним горизонтам. Размеры сооружения составляют 15х30 м. Здание ориентировано на запад — юго-запад (аз. 207º), т. е. в сторону Мекки, что дает нам некоторое основание видеть в нем плохо сохранившиеся остатки Ханской мечети, локализуемой на основании татарских преданий именно на этом месте. Юго-западная часть постройки уходит под основание башни Сююмбике, время строительства которой до последнего времени оставалось дискуссионным. Многие исследователи хотели видеть в ней архитектурное сооружение первой половины XVI в. Новые археологические материалы свидетельствуют о более позднем времени строительства башни. Судя по стратиграфии и находкам из засыпи котлована, изученное нами сооружение в какой-то степени использовалось еще в русский период и прекратило свое существование только в конце XVII — начале XVIII вв.[18], когда на его месте была построена упомянутая башня, ставшая позднее архитектурным символом Казани.

С западной стороны к Ханской мечети примыкали мавзолеи казанских ханов, выявленные еще в 1977 г. раскопками А. Х. Халикова[19]. Погребенные лежали в глубокой могильной яме в двойном деревянном гробу, внутренний

Рис. 3. Остатки Ханского мавзолея.

из которых был обтянут шелковой тканью и тонкой кожей при помощи серебряных гвоздей и фигурных накладок. На могилах стояли надгробные камни, от которых сохранились лишь обломки с каллиграфическими надписями. По результатам комплексных исследований были предварительно определены могилы двух ханов — Махмуда (Махмутека), сына Улуг-Мухаммада, правившего с 1445 г. до начала 1460-х гг., и Мухаммад-Амина, занимавшего ханский престол в 1487-1496 и 1502-1518 гг.[20]

Остатки мавзолея представляли собой прямоугольное сооружение (18х6 м) из известняковых камней со следами грубой обработки, скрепленных известковым раствором (рис. 3). Внутри мавзолея было выявлено еще четыре белокаменных склепа над могилами ханов. В настоящее время раскоп законсервирован и находится под стеклянным колпаком.

На территории Ханского двора исследовались также рядовые сооружения, часть из которых представляет собой жилые дома с хозяйственными постройками в виде прямоугольных (4х4 м) ям с опущенными в них срубами из горбылей. Сооружения расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы «улицы» со следами деревянного мощения. Из числа поздних объектов III-го (так называемого «ханского») слоя выделяется подпольная часть жилища — яма с отвесными стенками и ровным дном на глубине 77 см от уровня выявления. В яму опущен сруб (440х418 см) из горбылей, обугленных в пожаре. Заполнение внутри сруба состояло из темно-бурой пестроцветной супеси с обильными включениями золы и угля от сгоревших верхних конструкций наземной постройки. На полу обнаружены фрагменты трех разбитых чернолощенных кубышек и россыпь сильно окисленных серебряных монет первой половины XVI в. Из более чем 270 монет после чистки удалось определить только 160. Все они, кроме анонимного пула времени правления золотоордынского хана Узбека (1312-1342 гг.), являются монетами русского чекана. Самими ранними являются деньги, относящиеся ко времени правления Василия III (1505-1533), самими поздними — деньги и копейки Ивана IV, чеканенные после 1547 г., но не позднее 1550-х гг.[21] В этой же постройке и рядом с ней обнаружены многочисленные наконечники

стрел и пищальные пули, осколки сосудов, часть из которых ошлакована под воздействием высокой температуры, и другие находки, свидетельствующие о ее гибели в огне пожара 1552 г.

Раскопки, заложенные за пределами Ханского двора перед Благовещенским собором, построенным псковскими мастерами в 1556-1562 гг., предоставили не менее ценную информацию о каменном строительстве ханского времени. Так, в раскопе II на глубине 60-70 см от современной поверхности было расчищено сооружение в виде руин кирпичного здания XVII-XVIII вв., под которым, в слое III-м ханского времени, выявлены остатки фундамента из крупных отесанных камней, скрепленных известковым раствором. В северо-западной части раскопа, а также в примыкавшем к нему раскопе III следы фундамента здания были зафиксированы на глубине 240 см от современной поверхности преимущественно в виде полосы дубовых свай-коротышей, вбитых в целях уплотнения грунта, и небольших фрагментов кладки из известняковых камней. Предполагаемые размеры сооружения составляют приблизительно 30х19 м (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент стены мечети Кул Шарифа (первая половина XVI в.).

О времени строительства здания можно судить по двум кладам монет, обнаруженным в процессе раскопок. Клад № 1 лежал под северо-восточным углом здания и содержал 556 серебряных монет-«чешуек» хорошей сохранности. Клад № 2 был найден под северо-западным углом того же здания и состоял из 1 449 монет-«чешуек». Большой клад содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет, чеканенных в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков — 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Старшими следует считать монеты Новгорода и Пскова середины XV в., младшими являются монеты Василия III. Около 90 % монет относятся к периоду правления Ивана III (1462-1505). Малый клад по составу мало отличается от Большого, что свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом кладе нет монет Василия III и больше монет удельных княжеств. Таким образом, он формировался чуть раньше Большого клада.

Выявленные клады указывают, что ко времени их зарытия каменное здание уже существовало. Полученный в ходе раскопок массовый археологический материал также подтверждает, что начало функционирования постройки относится к первой четверти XVI столетия.

Еще одна каменная постройка, функционально связанная с вышеописанной, была изучена на раскопе, заложенном А. Г. Ситдиковым в районе исторически известного и археологически выявленного Тезицкого рва. Она стояла на месте западного пилона крепостных ворот и примыкающих к ним сооружений предшествующей эпохи. К сожалению, здание не удалось вскрыть полностью. В изученной части оно сохранилось на высоту 164 см. Ширина стены составляет 120 см. Кладка панцирная: с внешней и внутренней стороны регуляр-

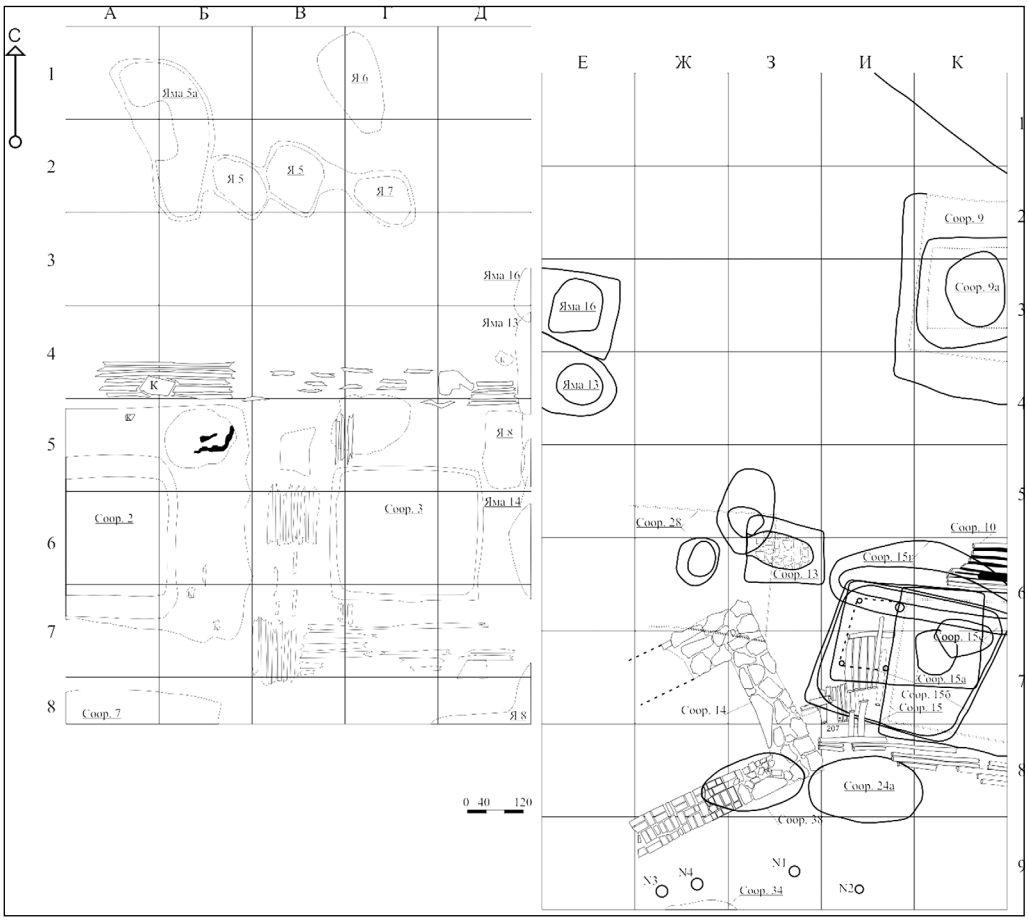

Рис. 5. Жилища и хозяйственные постройки на раскопе I в Пушечном дворе.

ной горизонтальной кладкой выложены крупные камни из отесанного известняка, забутовка состоит из беспорядочно наброшенных камней, не имеющих следов обработки. Предполагаемые размеры здания — 11,5х12 м.

В слое разрушения сооружений, который перекрывался сверху прослойкой пожарища, обнаружены наконечники стрел, каменное ядро, обугленные человеческие останки, указывающие на трагические события 1552 г. Обращают на себя внимание некоторые архитектурные детали, обломки штукатурки, кашинных плит с бирюзовой и ультрамариновой поливой, которыми облицовывались фасады зданий.

Сведения письменных источников позволяют предположить, что изученные объекты представляют собой остатки исторической мечети Кул Шарифа и медресе при ней, возле стен которых 2 октября 1552 г. произошло ожесточенное столкновение штурмующих и защитников города[22]. Такая интерпретация результатов раскопок позволяет не согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, предлагавших искать руины легендарной мечети под фундаментом Благовещенского собора.

Представление о массовой застройке центральной части Кремля дали наши исследования на территории Пушечного двора. Объекты ханского времени в раскопе I в 1994-1995 гг. начали выявляться на глубине 180-190 см от современной поверхности. Мощность III-го слоя, состоявшего из плотной буро-коричневой пестроцветной супеси с частичками угля, древесного тлена, обломками камней и кирпичей, достигала 80-100 см вне объектов. Линзы жел-

того суглинка, имеющиеся в слое, — это выбросы из ямных сооружений и котлованов жилищ, а углистые прослойки в разных горизонтах связаны с пожарами.

В раскопе изучено более трех десятков объектов в виде срубных жилищ с подпольями и хозяйственных построек, дневные уровни которых стратиграфически восходили к слою ханского периода (рис. 5). Выделяются четыре строительных горизонта, свидетельствующие о достаточно высокой интенсивности жизни в тот период. К самому завершению слоя (первый строительный горизонт) относятся шесть сооружений, уничтоженных пожаром 1552 г.; со вторым строительным горизонтом связаны 16 объектов, с третьим горизонтом — 5 и с четвертым, наиболее ранним горизонтом, — 3 объекта.

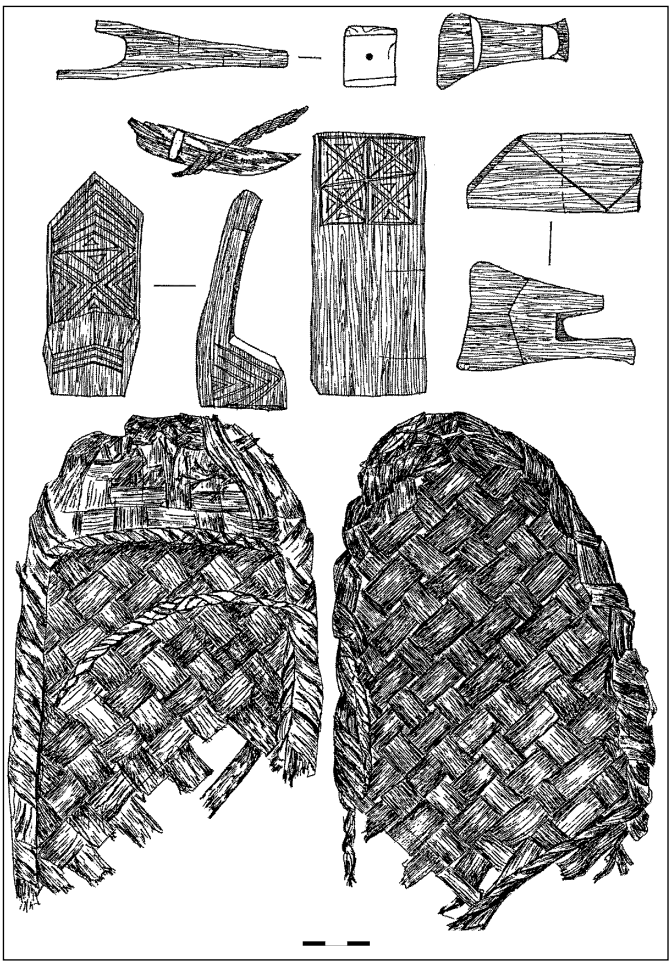

Рис. 6. Деревянные изделия из срубного дома ханского времени (раскоп IX).

Один из интереснейших объектов раскопа I — настил уличной мостовой шириной около 4-5 м, зафиксированный в виде древесной трухи. Удалось выделить четыре прослойки древесного тлена, относящиеся к разным горизонтам III-го слоя. Следует отметить, что вышеперечисленные сооружения располагались по обеим сторонам улицы. На участках настила полностью отсутствовали постройки, связанные с периодом Казанского ханства, за исключением нескольких ямных сооружений раннего горизонта.

Интересны материалы раскопа IX, заложенного в 1997 г. с восточной стороны Благовещенского собора. С отложениями периода Казанского ханства соотносятся более 20 срубных построек и хозяйственных ям, из которых четыре погибли при пожаре 1552 г. Они образуют улицу шириной более 3,5 м. Фиксируется три строительных периода мостовой и прилегающих к ней сооружений. Улица функционировала и в раннерусское время, что нашло отражение в Писцовой книге 1565-1568 гг., где она отмечена как «переулок к Благовещенью», идущий от Воскресенской башни к собору[23].

Среди изученных объектов выделяются остатки срубного дома (380х270 см) со слегка углубленной в землю подпольной частью. Заполнение сооружения состояло из темно-бурой плотной пестроцветной супеси с мощными прослойками угля, золы, прокаленной земли. Прослойка пожара четко увязана с завершением III-го слоя и сопоставима с событиями

1552 г. Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие кости, а также комплекс бытовых предметов — керамическая посуда, частично ошлакованная, комки шерсти, мотки шерстяных ниток, кусочки ткани, обломки обугленной прялки, лапти (рис. 6), куски оплавленной меди, глиняная обмазка и др.[24] Постройка, очевидно, была жилищем, хозяин которого занимался домашним ткачеством и прядением и погиб во время штурма города войсками Ивана Грозного.

Уникальный материал был получен в результате исследований в низменной северо-восточной части современного Кремля за пределами ранних укреплений — в раскопе IV. У Воскресенской проездной башни были выявлены остатки бревенчатых конструкций, нескольких жилищ[25]. В числе находок имеется большое количество кашинных мозаичных вставок с голубой поливой, которыми, возможно, были украшены находившиеся на холме постройки Ханского двора. Встречено также много наконечников стрел, что указывает на активные бои в этом районе, упоминаемые в источниках при описании штурма города в 1552 г.

Рядом с Воскресенскими воротами в раскопе XIII были обнаружены остатки уличной мостовой шириной 360 см. Следы мощения прослежены в длину на 9 м. Под мостовой лежал культурный слой мощностью 10-15 см, который покоился на погребенной почве. Относительно хорошая сохранность деревянного настила из жердей, горбылей, коры дуба и липы позволяет реконструировать покрытия других улиц, где мощение фиксировалось лишь в виде древесного тлена. В раскопе были выявлены прекрасно сохранившиеся срубные постройки размерами от 3х3 м до 5х5 м с большим количеством кожаных изделий. В этом районе, несомненно, находились мастерские по изготовлению кожаной обуви[26]. Уникальным является колчан для лука с вышивкой в виде стилизованного растительного орнамента и изображения зооморфного существа (рис. 7).

Следы ремесленного производства были выявлены также в раскопе П. Н. Старостина у Северо-Восточной башни, возведенной во второй половине XVI в. Здесь найдены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства в виде деревянной постройки с кирпичными печами и горном[27]. Последний имел круглую форму диаметром около 1 м с сужением в верхней части. Стенки толщиной 15 см выложены из кирпича. В кладке кирпич скреплен глиняным раствором, а с внутренней стороны покрыт огнеупором. С южной стороны к нему примыкала предгорновая яма диаметром до 1,2 м. В заполнении найдены обломки кирпича, куски медного шлака, слитки металла.

Материальная культура татарского населения ханской Казани до последнего времени оставалась практически не изученной в силу скудости археологических источников. Раскопки на территории Кремля дали обильный материал, позволяющий восполнить этот пробел.

Накоплен выразительный комплекс неполивной гончарной керамики. Большую часть в ней — более 40 % от общего количества — занимает керамика, условно названная Т. А. Хлебниковой «казанской» (рис. 8). Ее особенности: окислительный обжиг, заметное количество песка, розовато-красный цвет поверхности, многозонный тонкий орнамент в виде широкой волны. Изредка на изделиях встречается узкое лощение. Технологические истоки этой керамики увязываются с золотоордынскими традициями городов Нижнего Поволжья, хотя одновременно наблюдается близость к булгарской посуде[28].

Другую большую группу — более 20 % от общего количества — составляет «керамика в булгарских традициях». По формам она мало отличается от общебулгарской посуды предшествующих периодов. Т. А. Хлебниковой выделена также так называемая «татарско-русская» керамика, которая в некоторых раскопах достигает до 30 % от общего числа глиняной посуды (рис. 9). Наличие черной и серой лощеной керамики характерно не только для материальной

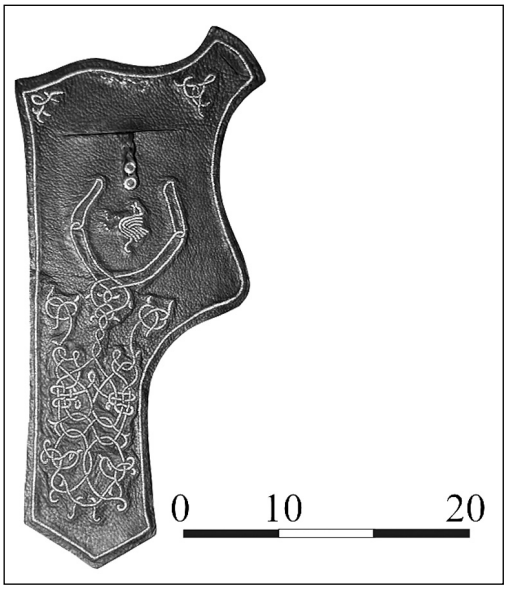

Рис. 7. Колчан для лука первой половины XVI в. (раскоп XIII).

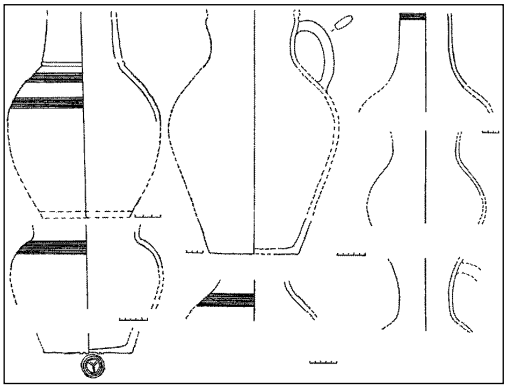

Рис. 8. «Казанская» керамика.

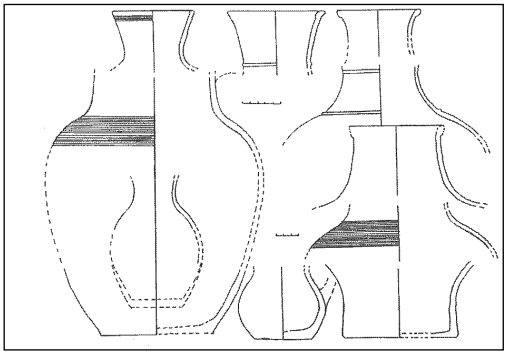

Рис. 9. «Татарско-русская» керамика.

культуры населения ханской Казани, но и синхронных русских поселений[29]. В «ханском» слое Кремля она составляет почти 10 % всей керамики. Столь же часто встречаются фрагменты лепной «поволжско-финской» посуды.

Качество продукции гончаров Казанского ханства, как справедливо отмечают исследователи, несколько ухудшается по сравнению с предшествующим периодом. Это видно и по находкам в Казанском Кремле и подтверждается исследованиями Русско-Урматского селища и Камаевского городища[30].

Поливные изделия из III-го слоя составляют две группы находок — керамическая посуда и облицовочные изразцы. Поливная посуда представлена самыми разнообразными группами. Значительную группу составляют фрагменты красноглиняных кувшинчиков с рельефным орнаментом, покрытых двусторонней зеленой поливой на белом ангобе. Аналогичные находки были обнаружены также в раскопах Н. Ф. Калинина и Л. С. Шавохина[31]. Со слоем Казанского ханства связаны и фрагменты красноглиняных чаш с голубой поливой. Найдены обломки кашинной посуды с поливой белого цвета, производившейся в Иране в XV-XVII вв., и фрагменты китайского белого фарфора с синей росписью, относящегося к эпохе династии Мин XV-XVI вв.[32]

Большую группу облицовочных изразцов составляют кашинные мозаичные вставки с бирюзовой и ультрамариновой поливой. Подобные изделия присутствуют в материалах нижневолжских и среднеазиатских городов XIV-XV вв.[33] Помимо мозаичных кашинных вставок, в фасадном убранстве зданий активно использовались орнаментальные плитки — герихи, известные по материалам Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова[34]. При строительстве монументальных зданий применялся крупномерный брусковый кирпич (7х15х28 см) и тесаные блоки из камня-известняка. Специфичным строительным материалом, характерным только для слоев Казанского ханства, являются небольшие (20х20х3 см) глиняные

плитки, которыми, вероятно, облицовывались печи[35].

В процессе раскопок собрано значительное количество обломков надгробных камней XV — первой половины XVI вв.[36] Выявлены они и на территории Спасо-Преображенского собора, в кладке Благовещенского собора[37].

Характерными находками для слоя разрушения 1552 г. являются каменные ядра и их крупные обломки, известные в количестве более 50 штук. Встречаются также ядра из гранита и железа. Глиняные ядра найдены на месте некоторых поселений эпохи Золотой орды и Казанского ханства[38]. Известняковые ядра делятся на две большие группы, отличающиеся друг от друга размерами: в одной ядра имеют диаметр 50-60 см, в другой — 25-30 см. Диаметр гранитных ядер не превышает 13-15 см, железных — 8-12 см. Зажигательные ядра изготовлялись из глины, были полыми внутри (туда заливалась горючая жидкость), с 5-6 небольшими (0,5 см в диаметре) отверстиями на поверхности для фитилей. Диаметр таких ядер колеблется в пределах 9-12 см.

Предметы вооружения также представлены железными наконечниками стрел. Особенно их много в прослойке пожара 1552 г.

Из III-го слоя происходит большое количество предметов конского снаряжения, представленных подковами и гвоздями к ним, подпружными пряжками. Подковы в основном одношипные с четырьмя отверстиями. Подобные изделия имеют большой хронологический диапазон бытования — с XI по XVII в.[39]

Среди бытовых вещей чаще всего встречаются глиняные напрясла, железные ножи и ножницы, светцы, ключи от дверных замков, дужки от ведер, фрагменты деревянных и медных сосудов. Скобяные изделия включают в себя гвозди, скобы, дверные петли, пробои. Имеется большое число обломков чугунных котлов, которые появляются, судя по материалам Болгарского городища, в XIV в.[40] Многочисленную группу железных изделий составляют сапожные подковы и мелкие гвозди к ним. В русских памятниках их появление связывают с XIV в., но у булгар и их потомков сапожные подковы имеют более широкий диапазон бытования — XI-XVI вв.[41] В числе находок, связанных с сельскохозяйственной деятельностью населения, можно назвать обломки серпов, кос-горбуш и каменные жернова.

Изделия из кости представлены наконечниками стрел, гребнями, пуговицами и их заготовками, шилами-проколками, кочедыками, иглами для плетения рыболовных сетей. Из редких находок следует отметить шахматную фигурку. С рыболовством связаны также глиняные и каменные грузила, железные крючки таких же форм, которые часто находят и на раскопках русских памятников.

Предметы украшения обнаружены в небольшом количестве. Более многочисленны бусы из полудрагоценных камней. В коллекции находок имеются три перстня. Два перстня обнаружено на раскопе XIII: один из них изготовлен из «оловянистой бронзы», другой — серебряный с каменной вставкой бирюзового цвета. В раскопе XX найден обломок сердоликового перстня, аналоги которому известны из нижневолжских памятников Золотой Орды[42]. К числу деталей одежды относятся бронзовые литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной формы с круглым ушком.

Представляет интерес медный гвоздик с изображением барса, обнаруженный в раскопе, заложенном в сквере перед Благовещенским собором.

Ярким материалом, иллюстрирующим активность городской жизни, являются костные остатки животных. Из III-го слоя раскопов Казанского Кремля происходит более 130 тысяч костных фрагментов[43]. Рацион питания населения ханской Казани, по заключению специалистов, несколько отличался от рациона предшествующего периода. Например, возрастает количество костей свиней, что, несомненно, связано с ростом числа русских на территории города. Много также костей лошадей. В числе домашних животных палеозоологи выделяют кошек и собак. Об активных торговых контактах Казани

свидетельствуют кости верблюда. По сравнению с предшествующим периодом увеличивается доля охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), которая чаще всего обнаруживается вблизи Ханского двора, что, вероятно, указывает на увлечение хана и его окружения охотой.

В слоях эпохи Казанского ханства было собрано большое количество зерен культурных растений. В составе сельскохозяйственных культур, по заключению палеоботаника К. В. Николаевой, ведущая роль принадлежит ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется ее способностью подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой посева после чистого пара. Среди выделенных культур большой процент летней пшеницы, присутствуют зерна ячменя, овса, гороха. В одной из проб отмечены зерна южной туранской пшеницы. В отобранных образцах имеются скопления зерен малины.

Таким образом, раскопками последних лет накоплен уникальный комплекс вещевого материала, ярко иллюстрирующий особенности культуры средневекового татарского города. Ханский Кремль представлял собой средоточие экономической, политической и культурной жизни столичного города, в котором уживались различные религии и народы, участвовавшие в событиях второй половины XV — первой половины XVI в.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани. 1565-68 гг. и 1646 г. – Л., 1932. – С. 6.
2. Шавохин Л. С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 18 с.
3. Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. / Сост. и ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М., 1986. – С. 253.
4. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. – Казань, 1979. – С. 318.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. XII. – С. 121-122, 253; Т. XIII. – С. 47.
6. Бороздин И. Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Казань, 1929. – Т. III. – С. 37-40; Старков А. С. О некоторых итогах исследований на территории Спасо-Преображенского монастыря Казанского Кремля (раскоп LII 2002, 2004 гг.) // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. – Казань, 2006. – С. 160.
7. Материалы по истории... – С. 12.
8. Калинин Н. Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации. Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 8, оп. 1, д. 202, л. 245.
9. Материалы по истории... – С. 6.
10. Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и коммент. Ф. Ш. Хузина и А. Г. Ситдикова. – Казань, 1996. – С. 100.
11. Валиев Р. Р. Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского Кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003-2004 гг. – Казань, 2004. – С. 45.
12. Губайдуллин А. М. Археологические исследования Северной башни Казанского Кремля // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань, 2001. – С. 24-26; Валиев Р. Р. Исследования Северной башни... – С. 39-47.
13. Губайдуллин А. Г. Археологические исследования в северной части Казанского Кремля (раскоп XLIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань, 2002. – С. 7.
14. Калинин Н. Ф. История Казани с... – л. 245.
15. Мухамадиев А. Г. Казань — город каменный // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань, 1995. – С. 32-34; Ситдиков А. Г., Хузин Ф. Ш. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань, 2001. – С. 12-15.
16. Набиуллин Н. Г. Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов) // Татарская археология. – 2002-2003. – № 1-2. – С. 36-37.
17. Материалы по истории... – С. 8.
18. Ситдиков А. Г., Старков А. С. Археологические охранно-спасательные наблюдения на территории Казанского Кремля // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань, 2004. – С. 11-12.
19. Халиков А. Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле // Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 22-48.

20. Хузин Ф. Ш., Газимзянов И. Р. Историческая атрибутация захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского Кремля: опыт историко-антропологического анализа. – Казань, 1997. – С. 15-18.
21. Булыгин А. Типология монет из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского Кремля // Великий Волжский путь. – Казань, 2001. – С. 312-316; Мухаметшин Д. Г., Ситдиков А. Г. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском Кремле (предварительное сообщение) // Великий Волжский путь. – Казань, 2001. – С. 308-311.
22. Хузин Ф. Ш., Ситдиков А. Г. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 2. – С. 16.
23. Хузин Ф. Ш. Новые открытия в Казанском Кремле (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Tatarica. – 1997/98. – № 1. – С. 134; Материалы по истории... – С. 11.
24. Хузин Ф. Ш. Новые открытия в Казанском... – С. 134; Ситдиков А. Г., Хузин Ф. Ш. Раскоп IX 1997 года. Архив Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», ф. 1, оп. 1, д. 462.
25. Хузин Ф. Ш. Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. – М., 2001. – С. 20-22.
26. Набиуллин Н. Г. Новые данные по археологии... – С. 33-35.
27. Старостин П. Н. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского Кремля (раскоп XXXVI) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань, 2002. – С. 14-17.
28. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М., 1984. – С. 21-23; Кокорина Н. А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань, 1995. – С. 29-32; Она же. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. – 1999. – № 1-2. – С. 83-88.
29. Чернов С. З. К хронологии московской керамики конца XV-XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. – М., 1991. – С. 58.
30. Кокорина Н. А. Керамика усадьбы гончара... – С. 77-102; Кокорина Н. А., Фахрутдинов Р. Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология. – 1999. – № 1-2. – С. 103-134.
31. Калинин Н. Ф. История Казани с... – л. 135; Шавохин Л. С. Отчет о работах в Казанском Кремле в 1975 г. Архив Отдела полевых исследований Института археологии Российской академии наук, Р-1, № 5670, л. 9.
32. Шавохин Л. С. Раскопки в Казанском Кремле // Археологические открытия. – 1975. – М., 1976. – С. 207-208.
33. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. – М., 1974. – С. 96, 105, 118.
34. Калинин Н. Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Казань, 1955. – Вып. 1. – С. 120; Халиков А. Х. Остатки ханских мавзолеев... – С. 27.
35. Калинин Н. Ф. Раскопки в Казанском Кремле... – С. 135.
36. Халиков А. Х. Остатки ханских мавзолеев... – С. 43. – Рис. 12.
37. Ситдиков А. Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – Приложение.
38. Кокорина Н. А. Керамика Камаевского городища... – С. 84.
39. Хузин Ф. Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. – М., 1985. – С. 211.
40. Савченкова Л. Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 58-59.
41. Савченкова Л. Л. Черный металл Болгара... – С. 63-64..
42. Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991. – С. 70-73.
43. Асылгараева Г. Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского Кремля). Автореф. дис. ... канд. ветеринар. наук. – Казань, 2003. – С. 8.

Фото из личного архива авторов.

Айрат Ситдиков,
кандидат исторических наук,
Фаяз Хузин,
доктор исторических наук